

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Нансеновские петухи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548725

Аннотация

«В своих замечательных записках о Северной экспедиции Фритьоф Нансен рассказывает, между прочим, про злосчастную судьбу петуха, находившегося со своим верноподданническим гаремом на борту «Фрама». Оказалось, что бесконечная полярная ночь совершенно перепутала в его петушином сознании все представления о времени и о явлениях природы...»

Александр Иванович Куприн Нансеновские петухи

В своих замечательных записках о Северной экспедиции Фритъоф Нансен рассказывает, между прочим, про несчастную судьбу петуха, находившегося со своим верноподданническим гаремом на борту «Фрама». Оказалось, что бесконечная полярная ночь совершенно перепутала в его петушином сознании все представления о времени и о явлениях природы. Он так привык к тому, чтобы вслед за его звонким криком послушно всходило великолепное солнце, что в первый раз, когда оно не выкатилось из-за горизонта, петух гневно ударил шпорой и уже приготовился сказать, подобно своему знаменитому тезке:

– Мне кажется, что я ждал?

Но солнце не появилось даже с опозданием. Петуху пришлось повторить свой возглас еще раз, и еще, и еще. Солнце не повиновалось. Через несколько ужасных дней петух сошел с ума. Он стал кричать почти без перерыва, побуждаемый к этому светом зажигаемой лампы, чьим-нибудь резким движением, внезапным шумом; чаще же орал без всякого повода.

Дальнейшая его судьба нам неизвестна. Вероятно, никем

не услышанный и не понятый, забывший свои прямые обязанности, презираемый даже собственным, прежде столь раболепным курятником, потерявший сон и аппетит, он дошел до полной степени изнурения, нашел свой жалкий конец в матросской похлебке или в животах лапландских ласк.

Признаться, этот конец мне, любителю чувствительного, не по душе. Я бы все-таки хотел увидеть, как вместе с предсмертным криком петуха из-за морского горизонта брызнули первые золотые лучи солнца... Он все-таки победил!

Не в обиду будь сказано трагической тени нансеновского шантеклера – описание его последних дней очень напоминает мне времяпрепровождение иных русских деятелей за границей. С большой одной разницей. О чем думал в полярные ночи повелитель солнца – несчастный и нетерпеливый, – этого мы никогда не узнаем. Легче представить себе мысли Наполеона на Св. Елене. Но мысли эмигрантских, ненастоящих шантеклеров весьма доступны исследованию, ибо они почти ежедневно, черным по белу, печатаются в газетах.

Посудите сами. Они с непоколебимой ясностью, совершенно так же, как нансеновский петух, чувствуют и признают тот густой мрак, который окутал не только Россию, но и весь мир, и так же, как и он, потеряли понятие о месте и времени выхода солнца. Живой петух, по крайней мере, всегда устремлял, по великому инстинкту, свой страстный взор на восток. Эти, скорее похожие на жестяного флюгерского петушка, вертятся во все стороны, скрипя на заржавленном

стержне, и постоянно ориентируются:

«Большевизм эволюционирует. Подождем немного! Он сам себя съест».

«Надо, надо, поскорее надо смелым и умным людям ехать в Советию принять участие в новом строительстве, чтобы потом взорвать большевистскую власть в самой ее сердцевине и предотвратить анархию!»

«Снимите немедленно союзную блокаду, заведите свободную, товарообменную торговлю, и – поглядите – большевики падут в одночасье!» (Почему?)

И наконец:

«Ничего не нужно предпринимать! Могучий народ сам, повинувшись внутренним силам справедливости и негодования, восстанет и стряхнет с себя коммунистическое иго. Тогда нам останется только прийти и владеть. Смотрите! Смотрите! Он уже подымается. Он уже поднялся!» (Ах, как старо! «Но настанет пора, и проснется народ, разогнет он широкую спину» и т. д. Когда это было?)

Так вращается жестяной нансеновский петух и каждую скрипучую песенку кончает неизменным припевом:

«Но мы не сомневаемся в мощи и демократичности великого русского народа. Мы верим, что близок час освобождения. И когда, воскреснув после годов мучительного опыта, он займет опять подобающее ему твердое место на земном шаре, – тогда, в этот торжественный час, мы не должны забывать, кто был нам братом и кто врагом».

О, певцы зимой погоды летней! Слушаешь их и не знаешь, где здесь кончается глупость, и где звучит старая, дырявая политическая шарманка, и где начинается оплачиваемое место.